

УДК 316.334.3

DOI: 10.17223/1998863X/55/21

Д.В. Руденкин

ПОЛЮСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СРАВНЕНИЕ АКТИВИСТОВ ПРОВЛАСТНЫХ И ОППОЗИЦИОННЫХ ДВИЖЕНИЙ¹

Статья посвящена выявлению сходств и различий активистов провластных и оппозиционных молодежных движений в современной России. Исходная гипотеза работы заключается в том, что различия между активистами провластных и оппозиционных движений преувеличены, а в основе их активности лежит схожая система стимулов. В работе описаны результаты эмпирической верификации этой гипотезы. Ключевые слова: молодежь, российская молодежь, политическая активность, провластные молодежные движения, оппозиционные молодежные движения.

Введение

Даже поверхностный анализ актуальной научной литературы показывает, что отечественная социально-гуманитарная наука переживает своеобразный ренессанс интереса к теме политической активности молодежи. Значительное внимание к этой теме уже прослеживалось в российской науке в середине 2000-х гг., когда заметная политическая активность молодежи в постсоветских странах и быстрое развитие молодежных движений внутри страны создали управленческий запрос на анализ участия молодежи в политических процессах. В те годы выходило довольно много научных работ, в которых проводился многогранный анализ как форм политической активности молодежи [1–4], так и факторов, от которых такая активность зависит [5–8]. Тем не менее популярность исследований в этой области позднее снизилась, и в научной литературе стали звучать рассуждения об определенной бесперспективности анализа политической активности российской молодежи в связи с аполитичностью [9–12] или даже социальной пассивностью [13–16] многих представителей данной социальной группы. Поэтому столь примечательным выглядит всплеск интереса социологии к этой теме, который наметился в научных работах в настоящее время: фактически он говорит о том, что происходит актуализация внимания к некогда утратившим актуальность вопросам о формах политической активности молодежи [17–20] и о факторах, от которых такая активность может зависеть [21–24].

Подоплека активизации интереса к этим вопросам выглядит прозрачной. В минувшие годы в российской публичной политике проявились как минимум два заметных тренда, которые показали, что распространенное в литературе утверждение о стойкой аполитичности большинства молодых россиян может быть несколько преувеличенным. Во-первых, примечательным оказалось активное вовлечение многих представителей молодежи в те протестные

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31601.

акции, которые проходили в России в 2017 г. и повторились вновь в 2019 г. [25]; эти акции показали, что определенный сегмент молодежного сообщества не только следит за состоянием дел в политике, но и недоволен им и даже способен конвертировать свое недовольство в реальные бунтарские действия. Во-вторых, стала заметна деятельность движений, которые создали бывшие активисты провластных молодежных проектов. К числу таких движений можно отнести, например, проекты «СтопХам» или «Лев Против» [26]. Несмотря на то, что такие движения обычно локализуют свою активность в довольно узких сферах и редко затрагивают политические повестки, резонанс вокруг проводимых ими акций сделал само их существование показательным. Сколь бы разрозненными ни выглядели эти тренды в отдельности друг от друга, совокупно они отражают примечательную перемену в политической культуре российской молодежи. Фактически они говорят о том, что равнодушие к происходящему в обществе и политике характерно далеко не для всех молодых россиян. И среди них есть немалая доля тех, кто не просто равнодушен к происходящему в стране, но и стремится конвертировать свое равнодушие в реальные поведенческие практики. Непривычность таких настроений и поведенческих склонностей молодежи закономерно вызывает стремление социологов разобраться в их подоплеке.

Вместе с тем, несмотря на многочисленность и тематическую многогранность работ, которые в последнее время выходят в области анализа политической активности российской молодежи, в этом предметном поле остается еще довольно много неясностей. В частности, остается не вполне ясной степень различий между теми представителями российской молодежи, которые проявляют интерес к деятельности провластных политических сообществ, и теми, кто вовлекается в активность других, оппозиционных движений. События последних лет показывают, что оба этих полюса политической активности в России не только существуют, но и привлекают определенное внимание молодежи [27]. Чисто интуитивно мы можем предположить, что интерес к провластным и оппозиционным движениям проявляют разные молодые люди: эти движения расходятся как в декларируемых целях, так и в основных формах своей активности, поэтому они могут привлекать разных представителей молодежи. Но в чем конкретно проявляются различия между молодыми людьми, вовлеченными в деятельность провластных и оппозиционных движений? Насколько серьезны эти различия? И нет ли между ними каких-то общих черт? В данной работе мы бы хотели продвинуться в понимании соответствующих вопросов.

Обзор литературы

Тема политической активности молодежи оказалась в фокусе социально-гуманитарной науки довольно давно. Отчетливый интерес к релевантным вопросам был замечен в научной литературе еще в 1970-е гг., когда в фокусе внимания исследователей оказались формы активности различных молодежных движений [28], мотивация активистов таких движений [29], их социальные функции [30] и целый ряд других подобных вопросов. Вероятно, само появление этого аналитического вектора в социально-гуманитарной науке имело в первую очередь управленческую подоплеку: в работах тех лет исследователи напрямую говорили о своем желании разобраться в тех причинах,

которые стояли за всплеском молодежной активности в конце 1960-х гг. Тем не менее, вне зависимости от причин формирования этого вектора анализа, еще с тех пор в социально-гуманитарной науке распространено представление о молодежи как об относительно самостоятельном и важном субъекте политических процессов. И исследования в этой области проводятся до сих пор в разных странах мира: только в минувшие несколько лет выходили работы, посвященные особенностям политической активности молодежи в Израиле [31], Сенегале [32], Швеции [33] и многих других государствах.

Характерно при этом, что еще в 1970-е гг. исследователи обратили внимание на примечательное сходство в мотивации и убеждениях молодежных активистов, которые вовлекались в активность разных (или даже противоположных) по своим целям политических движений. Вероятно, одним из первых этот эффект заметил Н. Блюм, который отмечал принципиальную схожесть убеждений и жизненных целей у американских студентов, проявляющих интерес к политическим клубам разных политических партий: его исследования демонстрировали, что и симпатизирующие демократам, и сторонники республиканцев отвечали на мировоззренческие вопросы практически одинаково [34]. Но он не был единственным, кто обратил внимание на этот эффект: схожие наблюдения делались в те же годы в Бразилии [35], Германии [36] и других странах. Более того, актуальные исследования показывают, что социологи и сегодня нередко обнаруживают характерные сходства в настроениях и убеждениях молодых людей, симпатизирующих различным политическим силам и вовлеченных в деятельность разных по профилю движений [37]. Собственно, эту же схожесть нередко выявляли и те исследования, которые проводились в России во время прошлого всплеска интереса к анализу политической активности молодежи: тогда молодые люди вовлекались в деятельность провластных и оппозиционных движений под влиянием если и не одинаковых, то очень похожих стимулов, а в их мировоззрении прослеживались заметные сходства [38]. Так что можно сказать, что наличие схожести в мотивации и убеждениях активистов разных по профилю молодежных движений – явление не только известное, но и довольно распространенное.

Причина возникновения этого сходства, вероятнее всего, лежит в самой специфике политической активности молодежи как социальной группы. Анализ научной литературы наталкивает на мысль, что в природе ее политической активности может прослеживаться принципиальное противоречие, которое и порождает это сходство. С одной стороны, как верно отмечают многие исследователи, в мотивации политической активности молодежи чаще всего прослеживается отчетливая ценностная подоплека: такая активность становится для молодых людей не столько механизмом решения неких текущих проблем, сколько способом продемонстрировать свое мировоззренческое несогласие с тем устройством общества, которое она видит. О такой подоплеке политической активности молодежи еще в 1970-е гг. писал Ш. Эйзенштадт [39], и позднее исследования показывали, что деятельность самых разных молодежных движений по всему миру действительно была вдохновлена ценностным несогласием молодых людей с тем устройством общества, которое они видели вокруг себя и которое стремились изменить [40]. С другой стороны, исследования показывают, что дефицит жизненного опыта и слабая развитость политической культуры нередко ограничивают

представления молодых людей о формах, в которых можно продемонстрировать несогласие с существующими в обществе порядками и попытаться их изменить [41]. Поэтому вектор и формы политической активности, возникающей на почве мировоззренческого несогласия молодежи с порядками, которые сложились в обществе, часто превращаются в непредсказуемые переменные, которые зависят от случайных факторов [42]. Иными словами, почву для сходства мотивации и убеждений активистов различных молодежных движений создает противоречие между четкостью исходных импульсов их активности и непредсказуемостью форм воплощения этой активности. В силу случайных причин молодые люди могут вовлекаться в деятельность разных (в том числе противоположных) движений, но при этом быть очень похожими в исходной природе своих мотивации и убеждений.

Экстраполяция этой логики на контекст современного российского общества наталкивает нас на мысль, что различия между активистами провластных и оппозиционных молодежных движений могут быть далеко не абсолютными. Актуальные исследования показывают, что молодые россияне имеют много ценностных претензий к тому, как устроено российское общество [43], и у кого-то из них эти претензии действительно склонны конвертироваться в реальную политическую активность [44]. Поэтому мы предполагаем, что в основе действий провластных и оппозиционных активистов может лежать схожая система мотивов и убеждений молодых людей. Имея разные воплощения, их политическая активность базируется на схожей системе исходных импульсов. Однако, разумеется, пока это лишь аналитическая гипотеза, проверка которой требует эмпирической диагностики. О результатах такой диагностики мы расскажем ниже.

Методология исследования

Эмпирическую основу данной работы составляют материалы социологического исследования, которое было проведено нами в первой половине 2019 г. на базе Уральского федерального университета в г. Екатеринбурге. В ходе исследования мы стремились выяснить, какие причины стоят за политической активностью молодежи, вовлеченной в деятельность оппозиционных и провластных движений, и выявить основные формы, в которых такая активность воплощается. В соответствии с данными задачами мы сфокусировали свой анализ на диагностике настроений и поведенческих закономерностей, которые свойственны молодым людям, непосредственно вовлеченным в деятельность молодежных политических движений.

Стремясь отразить специфику таких убеждений и поведенческих закономерностей у разных по своим взглядам молодых людей, мы отбирали в равных пропорциях представителей двух противоположных политических лагерей: активистов провластных молодежных организаций (таких как «Молодая гвардия Единой России») и сторонников оппозиционных движений (таких как «Команда Навального»). Суммарно в ходе исследования были опрошены 152 активиста провластных движений и 146 представителей оппозиционных движений.

Уточним важную процедурную деталь. Строгая система учета сторонников и активистов в таких движениях отсутствует. Поэтому при отборе респондентов мы были лишены возможности опираться на случайные вероят-

ностные выборки, так как не могли даже примерно оценить размеры генеральной совокупности и критерии ее сегментации. Основой отбора респондентов, таким образом, послужил целевой отбор: в исследование включались респонденты, которые идентифицировали себя как активистов соответствующих движений и имели подтвержденный опыт участия хотя бы в одной из акций таких движений за последний год. Поэтому данные исследования требуют осторожного отношения. Они позволяют нам решить задачи своего исследования и проанализировать специфику сознания и поведения молодежных активистов, но экстраполировать эти данные на уровень всей российской молодежи не стоит.

Результаты исследования

Анализ данных, которые были собраны в ходе исследования, позволяет сделать несколько примечательных выводов о сходствах и различиях провластных и оппозиционных активистов.

Прежде всего, характер и формы политической активности у представителей провластных и оппозиционных движений оказываются очень разными. Сам опыт такой активности велик и у провластных активистов, и у оппозиционных, но содержание их активности предсказуемо различается. Активистов обоих политических профилей роднит именно высокая интенсивность вовлечения в политику: тех, кто дистанцируется от такой деятельности или принимает в ней участие редко, практически нет. Тем не менее содержание деятельности различается очень существенно (табл. 1). Все действия, которые они склонны совершать, можно разделить на три группы: действия, которые более склонны совершать провластные активисты; действия, которые с равной частотой совершают провластные активисты и оппозиционеры; действия, которые чаще склонны совершать оппозиционеры.

Таблица 1. Что из этого Вы совершали хотя бы раз за последние 1–3 месяца?
(% от числа ответивших, провластные активисты vs. оппозиционные активисты)

Вариант ответа	Провластные активисты	Оппозиционные активисты
<i>Чаще совершают провластные активисты</i>		
Участвовал в волонтерских акциях, культурных и спортивных мероприятиях	80,8	47,2
Участвовал в работе молодежных объединений, парламентов	65,6	22,9
Помогал ветеранам, инвалидам, престарелым	39,7	7,6
<i>С сопоставимой частотой совершают и те и другие</i>		
Участвовал в работе правозащитных организаций	11,9	16,7
Участвовал в подготовке законопроекта	7,3	1,4
Выполнял функции помощника депутата	6,6	0,7
<i>Чаще совершают оппозиционные активисты</i>		
Участвовал в забастовках, пикетах, митингах	17,9	91,7
Создавал и организовывал сбор подписей	4,0	17,4
<i>Итого</i>	100,0	100,0

В каком-то смысле можно сказать, что для сторонников провластных движений характерно большее разнообразие активности: многие из них имеют опыт волонтерской деятельности, работы в молодежных объединениях и участия в благотворительных акциях, тогда как среди оппозиционеров опыта участия в подобных делах нет практически ни у кого. Но при этом оппозици-

онно настроенные молодые люди гораздо чаще склонны к участию в протестных формах политической активности: митинги, забастовки и иные формы демонстрации недовольства становятся для многих из них если и не единственной формой политической активности, то как минимум – одной из наиболее распространенных. Иными словами, и провластным активистам, и оппозиционерам свойственна очень активная политическая деятельность, но содержание этой деятельности разное.

Различной оказывается и роль идеологии в действиях активистов разных движений. Анализ показывает, что провластно настроенные молодые люди часто или вовсе затрудняются с ответом на вопрос о том, какой идеологии они придерживаются, или отмечают, что не имеют каких-то конкретных взглядов: один из таких вариантов ответа называют почти две трети из них. Те же, кто все же имеет какие-то идеологические предпочтения, очень разобщены, и говорить о какой-то единой для них системе убеждений сложно. Среди них практически равны доли тех, кто придерживается социал-демократических взглядов и либеральных. Есть среди них сторонники и более экзотических идеологических взглядов – например, коммунистических, националистических и даже анархистских. Оппозиционные активисты отвечают на этот вопрос совсем иначе. Во-первых, процент тех, кто затрудняется ответить на данный вопрос или говорит об отсутствии у себя каких-то четких идеологических взглядов, в их случае относительно невелик – три четверти все же относят себя к сторонникам той или иной идеологии. Во-вторых, существует вполне конкретная идеология, к сторонникам которой причисляет себя явное большинство оппозиционеров, – более половины из них говорят о себе как о либералах или даже как о либертарианцах. Иными словами, можно сказать, что идеологическая идентификация провластных активистов размыта, тогда как у оппозиционеров она устоялась и конкретна по своему содержанию (табл. 2).

Таблица 2. Приверженцем каких политических взглядов Вы могли себя бы назвать?
(% от числа ответивших, провластные активисты vs. оппозиционные активисты)

Вариант ответа	Политическая позиция опрошенных	
	Провластные активисты	Оппозиционные активисты
Социал-демократических	15,3	6,2
Консервативных	7,3	1,4
Коммунистических	2,7	0,0
Либеральных	14,0	40,4
Анархистских	1,3	8,2
Либертарианских	0,0	8,9
Националистических	1,3	4,1
Других взглядов	0,0	4,2
Затрудняюсь ответить	18,0	1,4
У меня нет конкретных взглядов	40,0	25,3
<i>Итого</i>	100,0	100,0

Закономерно, что такие идеологические расхождения имеют и конкретное воплощение: идеал общественного устройства для оппозиционной и провластной молодежи выглядит по-разному (рис. 1).

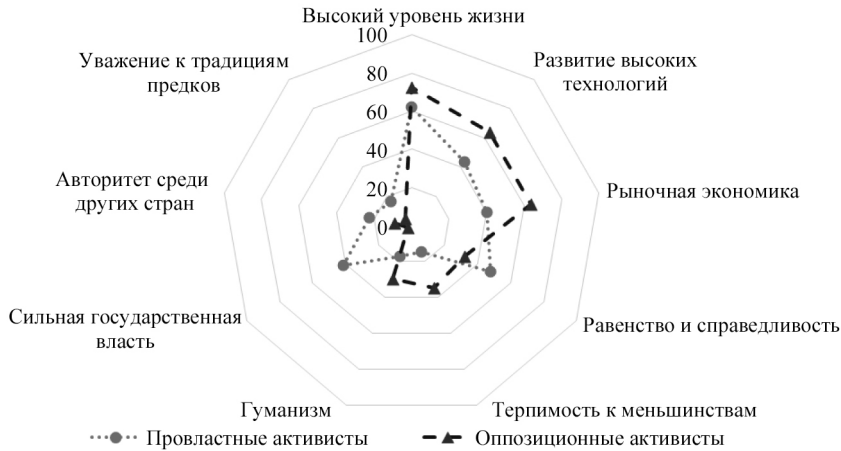

Рис. 1. Что из этого Вы могли бы отнести к чертам идеального общества? (% от числа ответивших, провластные активисты vs. оппозиционные активисты)

Надо сказать, что само представление о том, как должно выглядеть общество в идеале, сложилось у представителей обоих политических лагерей. По крайней мере более половины представителей каждого из политических лагерей называют вполне конкретные черты, которые, с их точки зрения, обязательно должны присутствовать в идеальном социуме.

Однако провластные активисты и оппозиционеры видят этот идеал по-разному. Единственная черта, которую видят важной для идеала и те и другие, — это высокий уровень жизни населения. По всем остальным основаниям настроения провластных активистов и оппозиционеров расходятся. Оппозиционеры чаще считают, что общественный идеал должен строиться на высокой роли информационных технологий, рыночной экономике, гуманизме. Одновременно с этим провластные активисты существенно чаще говорят о важности сильной государственной власти и авторитете на международной арене. То есть, по сути, можно сказать, что провластные активисты и оппозиционеры совпадают в своем видении базовой основы идеального общества (ею должен быть высокий уровень жизни), но расходятся в представлении о том, что должно ее дополнять.

Вместе с тем, несмотря на очевидные различия в содержании политической активности и взглядах на желательное развитие общества, активисты провластных и оппозиционных движений оказываются похожими в исходных мотивах своей деятельности. Собственно, похожим оказывается само распределение ответов, которые провластные активисты и оппозиционеры дают на прямой вопрос о том, что побуждает их заниматься той деятельностью, которой они занимаются (табл. 3).

Ключевыми мотивами для большинства опрошенных становятся два — некое чувство долга, гражданской ответственности, или же стремление к достижению социальной справедливости. Сравнение ответов показывает, что провластные активисты и оппозиционеры называют эти ответы с разной частотой. Так, чувство долга относят к своим мотивам 81,3% оппозиционеров и 55,8% провластных активистов. Иначе говоря, отношение к политической активности как к долгу встречается у оппозиционеров чаще, чем у провластных активистов. Поэтому говорить о полном совпадении мотивов, которые

подталкивают их заниматься политической деятельностью, нельзя. Но все же сходство в этих мотивах заметно: в ответах как оппозиционеров, так и провластных активистов на первые места выходят именно чувство долга и стремление к справедливости, тогда как остальные мотивы, скорее, играют второстепенную роль. Фактически интерес к политической деятельности у активистов обоих политических лагерей вдохновлен схожей системой мотивов. При этом характерно, что эта система мотивов имеет именно ценностную подоплеку: и чувство долга, и тяга к справедливости апеллируют именно к ценностям, убеждениям молодых людей, а не к их прагматическим установкам.

Таблица 3. В чем лично Ваши мотивы участия в политической жизни?
(% от числа ответивших, провластные активисты vs. оппозиционные активисты)

Вариант ответа	Провластные активисты	Оппозиционные активисты
Это мой долг: все граждане должны быть активны и участвовать в политической жизни	55,8	81,3
Меня интересуют проблемы построения справедливого общества	38,1	56,9
Я бы хотел сделать карьеру политического или общественного деятеля	38,1	11,8
Меня вдохновляет опыт и авторитет выдающихся людей, моих близких и знакомых	17,7	11,8
Это интересно, здесь я могу приложить свои способности и таланты	30,6	21,5
Другие мотивы	6,3	1,4
<i>Итого</i>	100,0	100,0

Иными словами, получается, что активисты провластных и оппозиционных движений сильно расходятся в формах и целях своей политической активности, но похожи в исходных импульсах этой активности. Они предпочитают разные формы политического поведения, ассоциируют себя с разными идеологическими течениями и имеют разные представления об общественном идеале. Но в основе деятельности и провластных активистов, и оппозиционеров часто лежит общая система мотивов, связанная с их стремлением к социальной справедливости или чувством долга. То есть в целом мы можем отметить, что предположение, которое выдвигалось нами на основе анализа теоретико-методологической литературы, находит подтверждение. Различия между провластными активистами и оппозиционерами существенны, но далеко не абсолютны.

Заключение

Исходным импульсом, который вдохновил нас на написание данной статьи, стало стремление выяснить, насколько сильны различия между теми представителями российской молодежи, которые вовлечены в деятельность провластных и оппозиционных политических движений. При всей очевидной разнице декларируемых целей и риторики самих таких движений, уверенности в том, что их активистами становятся совсем разные представители молодежи, у нас не было. Тем более что опыт зарубежных исследований показывал: в мотивах и убеждениях молодых людей, входящих в разные по профилю политические движения, нередко прослеживается много общего. И выполненный эмпирический анализ показал, что исходная гипотеза об относительности различий провластных и оппозиционных молодежных активи-

стов в современной России подтверждается. Содержательный опыт активности у них очень разный: если оппозиционеры предпочитают протестные формы политического поведения, то провластные активисты больше склонны к иным его формам. Разными оказываются и их взгляды на развитие общества. Однако в тех мотивах, которые в принципе подталкивают их к политической активности, есть характерные сходства. И провластные активисты, и оппозиционеры связывают свою деятельность либо с чувством долга, либо с социальной справедливостью, отодвигая другие мотивы на второй план. Иначе говоря, разным является облик их активности, но не ее исходные импульсы. Именно это мы считаем главным результатом исследования.

Литература

1. *Борусяк Л.Ф.* «Наши»: кого и как учат спасать Россию // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 5. С. 17–29.
2. *Одинцова И.А.* Молодежь в политике современной России // Динамика систем, механизмов и машин. 2007. № 4. С. 226–229.
3. *Смирнов В.А.* Молодежные общественные объединения как субъект региональной молодежной политики // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2008. № 2 (58). С. 510–517.
4. *Евтюшкин А.Ю.* Молодежный политический экстремизм в России: исторические корни, эволюция, современные особенности // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2009. № 2. С. 164–170.
5. *Мирясова О.А.* Политическая социализация молодежи в процессе участия в протестных движениях // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 5. С. 216–225.
6. *Звоновский В.Б.* Политика в пространстве жизненных интересов молодежи // Мониторинг общественного мнения. 2007. № 1 (87). С. 54–61.
7. *Зоркая Н.А.* Современная молодежь: к проблеме «дефектной» социализации // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 4. С. 8–22.
8. *Гоглева В.А., Лукина Ю.А.* Политическая активность молодежи как отражение политического времени общества // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2009. № 32 (165). С. 88–91.
9. *Захаркин Р.А.* Молодежный абсентеизм в России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 4. С. 111–114.
10. *Пастухова Л.С.* Проблемы политического участия молодежи // Власть. 2011. № 6. С. 58–60.
11. *Подхомутникова М.В.* О политической апатии современной молодежи в России // Общество: социология, психология, педагогика. 2011. № 3–4. С. 14–17.
12. *Желнина А.А.* Свобода от политики: «обычная» молодежь на фоне протестов // Социология власти. 2013. № 4. С. 139–149.
13. *Петухов В.В.* Поколение «нулевых»: социальные настроения, идеологические установки и политическое участие // Полис. Политические исследования. 2012. № 4. С. 56–62.
14. *Любченко В.С.* Российская молодежь: изменения в системе ценностей // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Сер. Социально-экономические науки. 2012. № 3. С. 183–190.
15. *Кошарная Г.Б., Толубаева Л.Т.* Гражданское общество в структуре ценностей современной студенческой молодежи // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2013. № 7 (123). С. 272–277.
16. *Макарова О.А.* Современные тенденции политического участия молодежи // Власть. 2014. № 12. С. 39–42.
17. *Прибытков Ю.Б.* Молодежь в российской политике: политический анализ // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Сер. Политология и социология. 2017. № 4. С. 104–105.
18. *Сушко П.Е.* Особенности карьерных стратегий политически активной молодежи современной России // Теория и практика общественного развития. 2018. № 2. С. 8–12.
19. *Ковтун Е.И.* Специфика современных молодежных протестных движений // Вопросы политологии. 2019. № 4 (44). С. 712–721.

20. Трынов Д.В. Политическое участие молодежи: поддержка vs протест // Социодинамика. 2019. № 12. С. 298–314.
21. Шаматонова Г.Л. Социально-политическая активность молодежи в современной России: состояние и тенденции развития // Социальные и гуманитарные знания. 2018. Т. 4, № 2. С. 82–87.
22. Соломатин Я.И. Особенности и динамика политических ориентаций молодежи российского мегаполиса в 2015–2018 гг. // Теория и практика общественного развития. 2018. № 8 (126). С. 51–55.
23. Томбу Д.В. Условия и риски политической идентификации российской молодежи // Власть. 2018. № 1. С. 91–98.
24. Сафонова А.С. Политическая активность молодежи в условиях модернизации политической системы современной России // Вопросы политологии. 2019. Т. 9, № 3 (43). С. 477–486.
25. Аюшеева Д.А. Участие молодежи в протестных акциях в современной России как способ самоидентичности // Управленческое консультирование. 2019. № 6. С. 147–153.
26. Кравцова А.Н. От «НАШИх» до своих: трансформация «гражданственности» в среде петербургских про- и пост «наших» активистов // Мониторинг общественного мнения. 2019. № 1. С. 107–125.
27. Авцинова Г.И., Бурда М.А. Молодежная политика современной России: абсентеизм и политический протест // Вопросы политологии. 2019. № 4 (44). С. 649–655.
28. Adler C., Peres Y. Youth Movements and “Salon Societies” // Youth & Society. 1970. Vol. 1, № 3. P. 309–331.
29. Crain W.C. Young Activists Conceptions of an Ideal Society // Youth & Society. 1972. Vol. 4, № 2. P. 203–235.
30. Geschwender J.A., Rinehart J.W., George P. Socialization, Alienation, and Student Activism // Youth & Society. 1974. Vol. 5, № 3. P. 303–325.
31. Kidron A. Youth, politics and republicanism in the formative years of the state of Israel // Middle Eastern Studies. 2018. Vol. 55, № 3. P. 386–402.
32. Crossouard B., Dunne M. Politics, gender and youth citizenship in Senegal: Youth policing of dissent and diversity // International Review of Education. 2015. Vol. 61, № 1. P. 43–60.
33. Coe A.-B., Wiklund M., Uttjek M., Nygren L. Youth politics as multiple processes: how teenagers construct political action in Sweden // Journal of Youth Studies. 2016. Vol. 19, № 10. P. 1321–1337.
34. Blume N. Young Republican and Young Democratic College Clubs in the Midwest // Youth & Society. 1971. Vol. 2, № 3. P. 355–365.
35. Foracchi M.M. Student Ideology and a Dependent Society // Youth & Society. 1971. Vol. 2, № 3. P. 285–306.
36. Friedeburg L.V. Youth and Politics in the Federal Republic of Germany // Youth & Society. 1969. Vol. 1, № 1. P. 91–109.
37. Pruitt L. Youth, politics, and participation in a changing world // Journal of Sociology. 2017. Vol. 53, № 2. P. 507–513.
38. Лебедев П.А. Вместе веселее, или Один в поле не воин: очерк о молодежном общественно-политическом активизме // Социальная реальность. 2008. № 5. С. 41–69.
39. Eisenstadt S. Changing Patterns of Youth Protest in Different Stages of Development of Modern Societies // Youth & Society. 1969. Vol. 1, № 2. P. 133–150.
40. Braungart R.G., Braungart M.M. Youth movements in the 1980s: a global perspective // International Sociology. 1990. Vol. 5, № 2. P. 157–181.
41. Quintelier E. Who is Politically Active: the Athlete, the Scout Member or the Environmental Activist? Young People, Voluntary Engagement and Political Participation // Acta Sociologica. 2008. Vol. 51, № 4. P. 355–370.
42. Barber T. Participation, citizenship, and well-being // Young. 2009. Vol. 17, № 1. P. 25–40.
43. Чув С.В., Тимохович А.Н., Гришаева С.А. Политические ценности российской молодежи: материалы исследования // Власть. 2017. № 11. С. 54–60.
44. Большунова Т.В. Ценностно-мотивационный аспект участия «поколения z» в современном политическом процессе // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. 2018. № 1. С. 63–67.

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 55. pp. 203–215.

DOI: 10.17223/1998863X/55/21

POLARITIES OF RUSSIAN YOUTH'S POLITICAL ACTIVITY: A COMPARISON OF ACTIVISTS OF PRO-GOVERNMENT AND OPPOSITION MOVEMENTS

Keywords: youth; Russian youth; political activity; pro-government youth movements; opposition youth movements.

The article is devoted to the empirical diagnostics of the similarities and differences between activists of pro-government and opposition youth movements in contemporary Russia. The analysis of recent scientific literature leads the author to the idea that, after increasing the political activity of Russian youth in 2017–2019, scientific interest in the analysis of its political participation has increased. However, despite the large number of scientific projects in this area, some important questions about the political activity of contemporary Russian youth remain unanswered. One of these complicated questions is the level of difference between the young Russians involved in the political actions of pro-government youth movements and those involved in the work of opposition movements. The rhetoric and the activity of such movements look obviously different. But is it enough to say that they are supported by extremely different young people? Besides, the analysis of previous research works in other countries shows that sometimes differences between activists of different (and even conflicting) youth movements can be quite relative. The literature describes cases in which young people with very similar motives and beliefs became activists of conflicting youth movements. So, the initial hypothesis of the study is the idea that the differences between activists of pro-government and opposition movements in contemporary Russia can be exaggerated, and that their activity can be based on a similar system of incentives. Testing this hypothesis in the course of his own sociological research, the author comes to the conclusion that not only differences, but also similarities can indeed be traced between activists of pro-government and opposition movements in contemporary Russia. Despite the fact that activists of pro-government and opposition movements prefer different forms of political activity, have different ideas about the ideal development of society and have different ideological preferences, they often have common reasons for their interest in political activity. Activists of both pro-government and opposition movements relate their interest in politics with value motives: the desire to achieve social justice or to fulfill a civic duty. So, there is a difference in vectors and forms of their political activity. But the initial nature of this activity is similar.

References

1. Borusyak, L.F. (2005) “Nashi”: kogo i kak uchat spasat' Rossiyu [“Nashi”: How they are taught to save Russia]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 5. pp. 17–29.
2. Odintsova, I.A. (2007) Molodezh' v politike sovremennoy Rossii [Youth in the politics of contemporary Russia]. *Dinamika sistem, mekhanizmov i mashin*. 4. pp. 226–229.
3. Smirnov, V.A. (2008) Molodezhnye obshchestvennye ob"edineniya kak sub"ekt regional'noy molodezhnoy politiki [Youth public associations as a subject of regional youth policy]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*. 2. pp. 510–517.
4. Evtyushkin, A.Yu. (2009) Youth political extremism in Russia: historical roots, evolution, current features. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki – Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*. 2. pp. 164–170. (In Russian).
5. Miryasova, O.A. (2010) Political socialization of youth in protest participation process. *Monitoring obshchestvennogo mneniya – Monitoring of Public Opinion. Economic and Social Changes*. 5. pp. 216–225. (In Russian).
6. Zvonovsky, V.B. (2007) Politics in the vital interests of youth. *Monitoring obshchestvennogo mneniya – Monitoring of Public Opinion. Economic and Social Changes*. 1. pp. 54–61. (In Russian).
7. Zorkaya, N.A. (2008) Sovremennaya molodezh': k probleme “defektnoy” sotsializatsii [Modern youth: the problem of “defective” socialization]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 4. pp. 8–22.
8. Gogleva, V.A. & Lukina, Yu.A. (2009) Politicheskaya aktivnost' molodezhi kak otrazhenie politicheskogo vremeni obshchestva [Political activity of youth as a reflection of the political time of society]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Se-riya: Sotsial'no-gumanitarnyye*

nauki – Bulletin of the South Ural State University. Social Sciences and Humanities. 32. pp. 88–91 (In Russian)

9. Zakharkin, R.A. (2010) Molodezhnyy absenteizm v Rossii [Youth Absenteeism in Russia]. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke – Humanities Research in the Russian Far East*. 4. pp. 111–114. (In Russian).

10. Pastukhova, L.S. (2011) Problemy politicheskogo uchastiya molodezhi [Problems of the political participation of youth]. *Vlast' – The Authority*. 6. pp. 58–60. (In Russian).

11. Podkhomutnikova, M.V. (2011) About political apathy of modern youth in Russia. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika – Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 3–4. pp. 14–17. (In Russian).

12. Zhelnina, A.A. (2013) Freedom from Politics: Non-activist Russian Youth at the Background of Political Protests of 2011–2012. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 4. pp. 139–149. (In Russian).

13. Petukhov, V.V. (2012) Pokolenie “nulevykh”: sotsial'nye nastroyeniya, ideologicheskie ustanovki i politicheskoe uchastie [The generation of the “2000s”: Social Sentiments, Ideological Attitudes, and Political Participation]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya – Polis. Political Studies*. 4. pp. 56–62.

14. Lyubchenko, V.S. (2012) Rossiyskaya molodezh': izmeneniya v sisteme tsennostey [Russian youth: changes in the value system]. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (Novocherkasskogo politekhnicheskogo instituta). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki*. 3. pp. 183–190.

15. Kosharnaya, G.B. & Tolubaeva, L.T. (2013) Grazhdanskoe obshchestvo v strukture tsennostey sovremennoy studentcheskoy molodezhi [Civil society in the structure of values of modern student youth]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*. 7. pp. 272–277. (In Russian)

16. Makarova, O.A. (2014) Sovremennyye tendentsii politicheskogo uchastiya molodezhi [Current trends in the political participation of youth]. *Vlast' – The Authority*. 12. pp. 39–42. (In Russian).

17. Pribytkov, Yu.B. (2017) Young people in Russian politics: political analysis. *Nauchnyy vestnik Volgogradskogo filiala RANKhGS. Seriya: Politologiya i sotsiologiya*. 4. pp. 104–105. (In Russian).

18. Sushko, P.E. (2018) The features of career strategies for politically active youth of modern Russia. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 2. pp. 8–12. (In Russian). DOI: 10.24158/tipor.2018.2.1

19. Kovtun, E.I. (2019) Specificity of Modern Youth Protest Movements. *Voprosy politologii – Political Science Issues*. 4. pp. 712–721. (In Russian)

20. Trynov, D.V. (2019) Politicheskoe uchastie molodezhi: podderzhka vs protest [Political participation of youth: support vs protest]. *Sotsiodinamika – Sociodynamics*. 12. pp. 298–314. (In Russian). DOI: 10.25136/2409-7144.2019.12.31195

21. Shamatonova, G.L. (2018) Socio-political activity of youth in modern Russia: the state and development trends. *Sotsial'nye i humanitarnyye znaniya*. 4. pp. 82–87. (In Russian).

22. Solomatin, Ya.I. (2018) Aspects and dynamics of the russian megalopolis youth's political views in 2015–2018. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 8. pp. 51–55. (In Russian).

23. Tombu, D.V. (2018) Russian Youth's Political Identification: Conditions and Risks. *Vlast' – The Authority*. 1. pp. 91–98. (In Russian).

24. Safonova, A.S. (2019) Youth Political Activity in the Conditions of the Modernization of the Russian Political System. *Voprosy politologii – Political Science Issues*. 3. pp. 477–486. (In Russian).

25. Ayusheeva, D.A. (2019) Participation of Youth in Protest Actions in Modern Russia as Way of Self-identity. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie – Administrative Consulting*. 6. pp. 147–153. (In Russian). DOI: 10.22394/1726-1139-2019-6-147-153

26. Kravtsova, A.N. (2019) Transformation of “citizenship” among pro- and post-NASHI activists in St Petersburg. *Monitoring obshchestvennogo mneniya – Monitoring of Public Opinion. Economic and Social Changes*. 1. pp. 107–125. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.05

27. Avtsinova, G.I. & Burda, M.A. (2019) Youth policy in modern Russia: absenteeism and political protest. *Voprosy politologii – Political Science Issues*. 4. pp. 649–655. (In Russian). DOI: 10.35775/PSI.2019.31.1.006

28. Adler, C. & Peres, Y. (1970) Youth Movements and “Salon Societies”. *Youth & Society*. 1(3). pp. 309–331. DOI: 10.1177/0044118x7000100304

29. Crain, W.C. (1972) Young Activists Conceptions of an Ideal Society. *Youth & Society*. 4(2). pp. 203–235. DOI: 10.1177/0044118x7200400207
30. Geschwender, J.A., Rinehart, J.W. & George, P. (1974) Socialization, Alienation, and Student Activism. *Youth & Society*. 5(3). pp. 303–325. DOI: 10.1177/0044118x7400500303
31. Kidron, A. (2018) Youth, politics and republicanism in the formative years of the state of Israel. *Middle Eastern Studies*. 55(3). pp. 386–402. DOI: 10.1080/00263206.2018.1546173
32. Crossouard, B. & Dunne, M. (2015) Politics, gender and youth citizenship in Senegal: Youth policing of dissent and diversity. *International Review of Education*. 61(1). pp. 43–60. DOI: 10.1007/s11159-015-9466-0
33. Coe, A.-B., Wiklund, M., Uttjek, M. & Nygren, L. (2016) Youth politics as multiple processes: how teenagers construct political action in Sweden. *Journal of Youth Studies*. 19(10). pp. 1321–1337. DOI: 10.1080/13676261.2016.1166191
34. Blume, N. (1971) Young Republican and Young Democratic College Clubs in the Midwest. *Youth & Society*. 2(3). pp. 355–365. DOI: 10.1177/0044118x7100200306
35. Foracchi, M.M. (1971) Student Ideology and a Dependent Society. *Youth & Society*. 2(3). pp. 285–306. DOI: 10.1177/0044118x7100200302
36. Friedeburg, L.V. (1969) Youth and Politics in the Federal Republic of Germany. *Youth & Society*. 1(1). pp. 91–109. DOI: 10.1177/0044118x6900100106
37. Pruitt, L. (2017) Youth, politics, and participation in a changing world. *Journal of Sociology*. 53(2). pp. 507–513. DOI: 1177/1440783317705733
38. Lebedev, P.A. (2008) Vmeste veselee, ili Odin v pole ne voim: Ocherk o molodezhnom obshchestvenno-politicheskom aktivizme [Together more fun, or Alone in the field is not a warrior: Essay about youth socio-political activism]. *Sotsial'naya real'nost' – Social Reality*. 5. pp. 41–69.
39. Eisenstadt, S. (1969) Changing Patterns of Youth Protest in Different Stages of Development of Modern Societies. *Youth & Society*. 1(2). pp. 133–150. DOI: 10.1177/0044118x6900100202
40. Braungart, R.G. & Braungart, M.M. (1990) Youth movements in the 1980s: a global perspective. *International Sociology*. 5(2). pp. 157–181. DOI: 10.1177/026858090005002004
41. Quintelier, E. (2008) Who is Politically Active: The Athlete, the Scout Member or the Environmental Activist? Young People, Voluntary Engagement and Political Participation. *Acta Sociologica*. 51(4). pp. 355–370. DOI: 10.1177/0001699308097378
42. Barber, T. (2009) Participation, citizenship, and well-being. *Young*. 17(1). pp. 25–40. DOI: 10.1177/110330880801700103
43. Chuev, S.V., Timokhov, A.N. & Grishaeva, S.A. (2017) Politicheskie tsennosti rossiyskoy molodezhi: materialy issledovaniya [Political Values of Russian Youth: Results of the Study]. *Vlast' – The Authority*. 11. pp. 54–60. (In Russian)
44. Bolshunova, T.V. (2018) Value and motivation of participation “Generation Z” in the present political process. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*. 1. pp. 63–67. (In Russian).